

Для человека его язык – это средство выражения мысли, средство познания действительности, средство коммуникации, поэтому человек усваивает из языка среды только то, что обеспечивает его языковые потребности, то есть личность овладевает языком социума избирательно. В любом языковом обществе существуют нормы, которые регламентируют человека, то есть он не может не усвоить их, но и не может выйти за их пределы. Кроме того, человек свободен усвоить всю систему данного языка, но с одной стороны, она ограничена для него только языковым состоянием окружающей социальной среды. С другой стороны вся языковая система человеку не нужна, так как она непомерно избыточна по сравнению с его речевой практикой. Следовательно, избирательность при усвоении человеком языка социальной среды обусловлено объективным состоянием этой среды, а также физическими, психическими социальными способностями человека. Таким образом, как считает В.П. Тимофеев, в течение всей своей жизни человек продолжает усваивать язык окружающей среды, но вместе с этим и совершенствовать свой, и в каждый момент личной истории его язык отличается неповторимой индивидуальностью, соединяющей в себе все возможные виды речи во всех вероятных сферах общественной практики [9].

Степень усвоения человеком языка среды зависит от благоприятных социальных условий и от возможностей, способностей, самостоятельности инициативы самого человека, а также от того, насколько общество обеспечивает свободу человека, то есть процесс взаимодействия социальной среды и общества носит и конкретно-исторический характер. Таким образом, мера языковой социализации будет зависеть как от благоприятных условий в языковой среде, так и от встречных усилий со стороны человека. Но эта мера никогда не будет одинакова для всех людей, так как языковая среда действует на человека, преломляясь через его внутренний мир, который всегда индивидуален. Поэтому в одних и тех же социальных условиях языковой среды возможно формирование неодинаковых личностей, в чём и кроется секрет многообразия языковых индивидуальностей.

Источники и литература

1. Белл Р. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы. – М.: Междунар. отнош., 1980.
2. БСЭ. – Т. 24(1).
3. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Ю.Д. Дешериев, М.В. Панов и др. – М.: «Наука», 1988.
4. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М., «Наука», 1977
5. Диахроническая социоллингвистика. – М.: «Наука», 1993.
6. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – Киев: «Рідна мова», 1998.
7. Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л.П.Крысина, Д.Н.Шмелёва. – М.: «Наука», 1976.
8. Сусов И.П. Социоллингвистика. <http://homepages.tversu.ru>
9. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. Учеб. Пособие. – Шадринск, 1971
10. Трескова С.И. Социоллингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: «Наука», 1989.
11. Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Межвуз. Сборник науч. трудов. – Пермь, ПГУ, 1988.
12. Юсселяр М. Социоллингвистика. – Киев: Вища шк., 1987.
13. Язык и моделирование социального взаимодействия. Сб. ст. – М.: Прогресс, 1987.
14. Язык и общество: Отражение соц. процессов в лексике: Межвуз. науч. сб.– Изд-во Саратов. ун-та, 1986

Щелкова Е.Е.

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШВАБСКОГО ДИАЛЕКТА

Современный немецкий язык представляет собой исторически сложившуюся, иерархически организованную систему разных форм существования, включающую в себя литературный язык, разновидности обиходного – разговорного языка и территориальные диалекты.

Целью данной статьи является выделение произносительных особенностей швабского диалекта и его сопоставление с литературным языком.

Теоретическая ценность заключается в дальнейшей разработке теории немецкой диалектологии, территориальных вариантов современного немецкого языка, представляющих значительный интерес как для лингвистов, так и для изучающих язык и его историю.

Как отмечает М.М.Гухман, доминирующую позицию в системе форм существования современного немецкого языка занимает литературный язык, обладающий как средство общения оптимальным набором признаков [2, с. 37]. Поэтому при выявлении функционально-типологических свойств диалекта, находящегося на периферии системы форм существования языка, литературный язык используется как своеобразный эталон. Большой вклад в становление немецкого литературного языка внес Мартин Лютер (1483–1546 гг.). Значение М. Лютера для истории немецкого языка заключается, прежде всего, в том, что он интенсифицировал процесс языкового варьирования, сблизив восточно-среднегерманский вариант письменного литературного языка с юго-восточным, благодаря чему первый значительно расширил радиус своего дей-

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШВАБСКОГО ДИАЛЕКТА

ствия. Осуществленный М. Лютером в 1522 г. перевод Библии приобрел надрегиональную значимость и, возвышаясь над местными особенностями письма, оказал воздействие на представителей разных языковых ландшафтов.

По речи носителей немецкого языка легко можно установить региональную принадлежность говорящего. Диалекты значительно отличаются друг от друга лексическим составом, грамматическими формами и фонетическими особенностями.

Еще М.В. Ломоносов в своей работе «О пользе книг церковных для русского языка» писал: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду разумительным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет макленбургского или браденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа».

Продолжительное время в диалектологии было распространено мнение, согласно которому местными диалектами пользуются «нижние слои» общества – рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкие служащие, имеющие низший образовательный уровень. Основное же число носителей литературного языка составляют «сливки» общества (средние и высшие слои) – высшие чиновники, предприниматели, государственные и общественные деятели, ученые, профессора университетов, люди престижных профессий (врачи, юристы) и т.п. На несостоятельность этого критерия для немецкоязычных коммуникативных общностей, указал еще Г. Леффлер отмечавший, что в Швейцарии и Австрии, например, диалект используется представителями средних и высших слоев в качестве основного средства общения в сфере общественной жизни. На этот факт обращает внимание и Петренко А.Д. в анализе проблем социолингвистического варьирования современного немецкого языка [8, с. 29].

Диалекты нередко проникают в сферы традиционного использования литературного языка, как, например, в официально-деловое общение, в художественную литературу, используются в театре, кино, телевидении, на диалектах идет обучение в ряде школ, гимназий Германии, Австрии, Швейцарии, в культурных учреждениях. В университетах же лекции, семинарские занятия ведутся, как правило, на стандартном немецком языке. Телевизионные программы (новости дня, политические комментарии, спортивные репортажи) также ведутся на стандартном немецком языке. Вплоть до 60-х годов в Германии практические занятия по естественным наукам и техническим дисциплинам в некоторых вузах проводились на диалекте.

Благодаря наличию совпадающих или однородных первичных признаков у диалектов (несмотря на их многочисленность и разнообразие), они объединяются в определенные диалектные ареалы и субареалы, внутри которых существуют более мелкие градации. Основу для первичного разделения немецких диалектов составляет степень их участия во втором верхненемецком передвижении согласных, в особенности, дальнейшее развитие в них общегерманских глухих смычных [p, t, k]. По этому признаку различают два больших диалектных ареала: Hochdeutsch (верхненемецкий), Niederdeutsch (нижненемецкий) [10, с. 31].

Передвижение смычных согласных [p, t, k] затронуло, в первую очередь, верхненемецкий ареал. В процессе изменения общегерманское [t] в начале слова, а также внутри или в конце слова после согласного и в удвоении переходило в аффрикату [ts]: ннем. holt – внем. holz; ннем. tid – внем. zeit. В интервокальной позиции, а также в исходе слова после гласного общегерманское [t] трансформировалось в [s]: ннем. groot – внем. groß; ннем. late(n) – внем. lasse(n).

Общегерманские [p] и [k] в интервокальном положении и в конце слова после гласного развились во всех верхненемецких диалектах в [f] и [x] / [ç]: ннем. slape(n) – внем. schlafe(n) – ннем. make(n) – внем. mache(n).

В верхненемецком диалектном ареале по признаку передвижения старого обще германского [p] в аффрикату [pf] разграничиваются два субареала: Oberdeutsch (южнонемецкий), Mitteldeutsch (средне немецкий). К южно-немецкому субареалу традиционно относят те диалекты, в которых начальное [p], удвоенное [pp] внутри слова, а также [p] в сочетании с m подвергались передвижению в аффрикату [pf], например: ю.нем. arfel – снем. arpel; ю.нем. dampf – снем. damp. Дополнительным различительным признаком этих диалектов является форма уменьшительного суффикса -chen. В диалектах южного субареала используются разные варианты суффикса, включающие элемент -l (-el), например: mann1, mannel, mannerl, männle, тогда как в средне немецком субареале употребляется преимущественно суффикс -ch(n). В южно-немецкой области четко противопоставляются друг другу две диалектные зоны: Bairisch-Österreichisch (баварско-австрийская) на востоке и Fränkisch-Alemannisch (франкско-алеманнская) на западе.

В диалектологии, благодаря трудам В.М.Жирмунского, Н.И.Филичевой, М.М.Гухман, получило распространение понятие «наречие», которое обозначает языковое образование более широкое, чем диалект. Само слово «наречие», было введено в немецкий язык еще в 17 в. поэтом Филиппом фон Цезеном и первоначально означало «искусственное формирование».

Так, например, баварско-австрийское наречие подразделяется на три диалекта: 1) Nordbairisch (севернобаварский), 2) Mittelbairisch (средне-баварский), 3) Südbairisch (южнобаварский). Характерное отличие баварско-австрийского наречия составляет употребление во втором лице множественного числа местоимений ös, ees, es – „ihr“, enk – „euch“, представляющих по своему происхождению древние формы двойственного числа. Обозначение дней недели: Ertag, Ergetag – „Dienstag“, Pfinztag – „Donnerstag“, являющиеся старинными кальками соответствующих древнегреческих названий, проникли в древневерхненемецкий язык еще во времена готов.

Границу между баварско-австрийской диалектной зоной на востоке и франкско-алеманнской на западе принято считать по реке Лех. К франкско-алеманнской зоне относят следующие наречия: 1) Schwäbisch-Alemannisch (швабско-алеманнское), 2) Südfränkisch (южнофранкское), 3) Ostfränkisch (восточнофранкское). В швабско-алеманнском наречии, охватывающем Вюртемберг, Баден, Баварию к западу от реки Лех, немецкоязычные области Швейцарии и Австрии, различаются диалекты: Niederalemannisch (нижнеалеманнский), Hochalemannisch (верхнеалеманнский), Höchstalemannisch (горноалеманнский), и наконец Schwäbisch (швабский).

Среди диалектов франкско-алеманнской зоны особое место занимает швабский диалект. В научной литературе он писан слабо.

По мнению А.Баха, одной из важнейших характеристик швабского диалекта является «краткость высказываний», что проявляется в сокращении аффрикат, упрощении или сокращении консонантно-вокалических форм, монофтонгизации дифтонгов. И это вполне естественно, так как диалект является языковой формой, предусмотренной в первую очередь для устного употребления. Высказывания на швабском диалекте более кратки, чем в литературном языке. Сравним например:

Moarn goschd ufs Rodhaus ond saischd em Schultes, i häb me andersch bsonna (Morgen gehst du auf das Rathaus und sagst dem Schultheissen, ich hätte mir anders besonnen!). Часть слогов сокращается, артикль (das) и местоимение (du) образуют с предыдущим слогом одно слово, подвергаются элизии гласные и согласные, многие слова и слоги максимально упрощаются: morgen, sagst, dem, Schultheiss, ich, mich. Безударный [e] в „morgen“ и „besonnen“ подвергается элизии, дифтонг [ei] преобразуется в [ɔ].

Таким образом, многие слова употребляемые в швабском, настолько видоизменяются, что становится достаточно трудно распознать и реконструировать их стандартный облик и смысл, например: i sott - „ich sollte“; midnea - „mitnehmen“; kear - „Keller“, hem - mr - „haben wir“; sem - mr - „sind wir“. Упрощения имеют место, прежде всего, на стыке нескольких и наиболее сложно произносимых согласных.

К таковым относится сочетание глухих щелевых „ch“. В швабском оно часто вообще илиминируется, особенно в таких словах как: noh - „noch“; de /dii - „dich“, me/ mi- „mich“, hoh- „hoch“, reat- „Recht“.

Часто происходит выпадение носового [n] перед [s], сопровождающееся назализацией предшествующего гласного: „Gänse“ – швб. gas. Если [n] выпадает в ударном слоге, гласный звук удлинняется: Fe’schder – „Fenster“.

Глаголы gehen, stehen, haben, lassen в швабском представлены формами gau’, stau’, hau’, lau’. К одному из упрощений относится выпадение [e] в приставке “ge-“: gsagt - „gesagt“; graba - „gegraben“; gsonga - „gesungen“, graba - „gegraben“, gheert - „gehört“. В приставках „un-“, „an-“ сонанты произносятся напряженно и акустически удлиняются: o:verschemt - „unverschämmt“; o:gleghait - Angelegenheit. Очень часты случаи выпадения гласных [a], [o], [u] и качественная редукция [e], например: gschdft - „Geschäft“; drom - „darum“; do - „dort“; au - „auch“; ko - „kann“. Целое слово, может, вследствие сокращения, трансформироваться в один звук, например: a - „ein“; i - „ich“.

Алеманнские диалекты сохранили древние долгие гласные [ī, ū, ü] как монофтонги, за исключением швабского, в котором названные гласные подверглись дифтонгизации. Так, [ī] развилось в дифтонг [ɔi]: ðis - „Eis“, rōide - „reiten“; [ū] в [ɔu]: hðus „Haus“; [ü] в [ɔi:]: hðisr „Häuser“ [9, 41].

Изложенное позволяет сделать **следующие выводы**.

На произносительном уровне швабский, как и другие диалекты, в сравнении с литературной нормой более вариативен. Например, дифтонг [ei] может трансформироваться в [oi] или [ɔi], например: koi/ kɔi - „kein“; zwoi/ zwɔi - „zwei“; moi/ mɔi - „mein“. Важное значение для дифференциации немецких диалектов имеет трактовка кратких гласных верхнего подъема [i, ū, u]. Краткий [i] сохраняется в швабском, как и совпавшее с ним в результате верхнегерманской делабиализации [ü], и имеет закрытое произношение: gšnidɔ - „geschnitten“, hitz - „Hitze“. Закрытое произношение сохраняет и краткий [u] (при удлинении - ū): fuch - „Fuks“, štūpe - „Stube“ [10, 113]. Одним из наиболее характерных признаков швабского диалекта является уподобление шипящих звуков, например: wasch meinst du d’ran? - „was meinst du daran?“ gesch? - „gehst du?“; kansch - „kannst du?“. Ярким признаком швабского диалекта является окончание -le, служащее (вместо -chen, -lein в немецкой литературе) в роли уменьшительного суффикса: `s Kendl - „das Kind“; Tischle - „Tisch“; Fleischle - „Fleisch“, Keendle - „Kindchen“, Kadaschdreefle - „Katastrophe“.

Таким образом, к основным произносительным особенностям швабского диалекта можно отнести следующие:

1. Краткость фонетических форм.
2. Уподобление шипящих звуков.
3. Трансформация дифтонгов (изменение одного из вокалических элементов).
4. Переход открытых гласных в закрытые.

Диалект, как одна из форм существования языка, является первичной по отношению к другим. Деление немецкого языка на местные диалекты возникло в результате длительного исторического процесса. Развитие диалектов именно южной Германии стало объектом многих исследований, проводившимися лингвистами в разные годы. К одним из самых вариативных принадлежит швабский диалект, который выявляет существенные различия в сравнении с литературным стандартом, в том числе и на произносительном уровне.

Источники и литература

1. Бах А. История немецкого языка. – Гейдельберг, 1953. – 342 с.
2. Гухман М.М. Литературный язык. – М., 1970. – 241 с.
3. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Л., 1983. – 215 с.
4. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. – М., 1995. – 376 с.
5. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – Киев.: Рідна мова, 1998. – 254 с.
6. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1956. – 321 с.
7. Москальская О.И. История немецкого языка. – Л., 1959. – 289 с.
8. Серебренников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка. – М., 1970. – 189 с.
9. Филичева Н.И. История немецкого языка. – М., 1959. – 164 с.
10. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М., 1983. – 184 с.
11. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. – М., 1992. – 178 с.
12. Dialekt und Dialektliteratur: Hans-Rüdiger Fluck/Michael Maier (Hrsg.): Dortmund: Grüwel//Konkordia 1979. – 345 s.
13. Mundartliteratur. Texte aus sechs Jahrhunderten. Frankfurt/M: Manfred Bosch (Hrsg), Diesterweg 1979. – 423 s.
14. Schriften in schwäbischem Dialekt. Von Sebastian Seiler: Konrad, Weißenborn 2000. – 264 s.
15. Schwäbisches Wörterbuch. Fischer, Hermann: Tübingen. Laupp/J.C.B. Mohr Paul Siebeck 1986. – 687 s.

Шibaева И.В.**ЭТИМОЛОГИЯ БИБЛЕЙСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

The work is dedicated to the problems of etymology of the Bible proper names in the French language. The etymology of male and female antroponyms and toponyms is given: hydronyms, oikonoms and oronyms. Three criteria are used: phonetic, morphologic and semantic. The brief summary of these correlations is made in order to orientate in etymological material.

Имена собственные имеют особый статус, поскольку считаются самыми индивидуальными, самыми международными и самыми национальными [1, с. 25].

Одним из методов исследования ономастического материала является этимологический анализ. Вопросы этимологии занимается немало отечественных, российских и зарубежных лингвистов [1;7;8;9;14].

Значительное количество трудов, посвященных библейскому имени собственному и библеизмам, рассматривает такие проблемы, как имя собственное во фразеологической единице библейского происхождения [2], культурологический аспект библейской фразеологии [3], особенности библейских фразеологизмов [4;5].

Однако лишь в одной работе рассматриваются русские фразеологизмы библейского происхождения в этимологическом аспекте [6, с.206–210].

Таким образом, очевидна новизна и актуальность темы. Работа посвящена проблемам этимологии библейских имен собственных во французском языке.

Целью и задачей данного исследования является проследить этимологию библейских мужских и женских имен собственных, названий стран, городов, народов, наименований гор, морей и рек на основе трех критериев: фонетическом, морфологическом и семантическом; детально изложить и обосновать эти соответствия; составить краткую сводку, необходимую для ориентировки в этимологическом материале.

В современной языковедческой практике термин «этимология» употребляется в следующих значениях:

1. Отдел языкознания, изучающий происхождение слов.
2. Происхождение (применительно к словесному знаку).
3. Установление происхождения слова [7, с.5].

В ходе этимологического анализа нами придерживался принцип системы, предложенный В.И. Абаевым. Это установление генетических связей между словами, которое не должно выходить за рамки данного языка [8, с.293].

Установление таких связей между словами в рамках системы автор видит на основе фонетического, морфологического и семантического критериев [8, с.294].

Фонетический критерий требует, чтобы этимологические сближения и разъяснения опирались на установленные для данного языка закономерные звуковые соответствия. Морфологический критерий требует, чтобы при этимологическом анализе считались не только с совпадением корней или основ, но и с единством и закономерным соответствием словообразовательных формантов. И, наконец, семантический критерий требует серьезного внимания не только к внешней (фонетической и морфологической) стороне